

Почувствовав странную смесь беспричинного довольства и глухого раздражения, исходившую от Гэ Дунчэня, Гу Сяодун лишь озадаченно хмыкнул пару раз.

— Су Сяюань? — Гэ Дунчэнь тут же вернул все свое внимание собеседнику. Он подался вперед, заговорщически понизив голос: — А ты, я гляжу, равнодушен к чужим делам. Я узнал об этом человеке еще в прошлом году, когда наносил праздничный визит к Клану Су. Неужто ты только сегодня о нем услышал? Что такое, Минья не посвятил тебя в свои дела? Вы поссорились?

В отличие от скрытного Гуань Юньцзи, Гэ Дунчэнь никогда не стеснялся говорить с Сяодуном о Су Минье. Он то и дело отпускал колкости, ненавязчиво пытаясь вбить клин в их отношения, и юноша порой пропускал эти намеки мимо ушей, а порой прислушивался.

Гу Сяодун беспечно улыбнулся:

— Мы и правда немного повздорили с молодым господином Су. Но при чем тут Сяюань? Утром братец Гуань спрашивал меня ровно о том же.

Вглядевшись в открытое, бесхитростное лицо юноши, Гэ Дунчэнь понял, что подкопаться под этот союз пока не так-то просто. Но отступить — значит пойти против собственной природы.

— Ну, в таком случае винить стоит исключительно Минью, — хмыкнул он. — В Клане Су давно решено отдать Су Сяюаня ему в наложники. И сам Минья прекрасно об этом знает.

Первым порывом Гу Сяодуна было запрокинуть голову и, хлопая себя по коленям, расхохотаться. Гэ Дунчэнь прищурил зеленоватые глаза, глядя на его незащищенную белую шею с едва заметно вздрагивающим кадыком. Внутри у него зашевелилось темное, хищное желание — сковать эту шею тяжелой цепью.

— Это самая смешная шутка из всех, что я слышал с начала года! Точнее, вторая по счету! — задыхаясь от смеха, Сяодун принялся шутливо хлопать собеседника по плечу.

— И какая же тогда первая? — Гэ Дунчэнь рассмеялся в ответ и перехватил его руку — мягкую, точно кошачья лапка. Она грела лучше любого имбирного отвара.

— Первую мне рассказал Цзиньюй! — Стоило вспомнить невозмутимую, серьезную мину, с которой Гу Цзиньюй вещал это перед самым Новым годом, как Сяодун согнулся пополам, утирая выступившие от смеха слезы. — Он заявил... заявил, что у него родился ребенок!

Гэ Дунчэнь лишился дара речи.

— Что ж, — наконец выдавил он, — действительно забавно.

Юноша продолжал раскачиваться на стуле, словно неваляшка, не в силах сдержать веселье:

— Я ведь почти поверил, что наш праведник пустился во все тяжкие! Стал расспрашивать, кто это — племянник или племянница, как зовут, кто матушка... А он ка-а-ак разозлится! Я потом до самой ночи успокоиться не мог, так хохотал.

Гэ Дунчэнь придержал его за локоть, злорадно усмехаясь.

— Брат Дунчэнь, твоя история тоже чудо как хороша! Спасибо, что развеселил, я обязательно запишу этот анекдот в свои путевые заметки.

Гэ Дунчэнь не стал ничего объяснять. Он умело заронил зерно сомнения и вовремя отступил, переведя разговор на пустяки. Он прекрасно понимал: чем сильнее сейчас Сяодун привязан к Су Минье, тем большее будет разочарование.

Гэ Дунчэнь уже предвкушал, каким растерянным и уязвленным будет лицо юноши, когда правда всплывет наружу. Это зрелище обещало быть великолепным.

— Скоро у твоего молодого господина Су день рождения, — с мягкой улыбкой поинтересовался он. — Наш клан Гэ уже приготовил щедрые дары. Полагаю, Клан Гу тоже не останется в стороне. Твоя вторая сестра и Цзиньюй наверняка отправятся поздравить его лично. Ты поедешь с ними?

Улыбка на лице Гу Сяодуна на миг угасла.

Ань Жои терпеть не могла его дружбы с Су Миньей. Княгиня по-прежнему считала, что безродному юноше не место на пышных приемах столичной знати. Она никогда не относилась к нему как к родному или хотя бы приемному сыну. В поместье его держали не как молодого господина, а скорее как знатную барышню на выданье — оберегали от чужих глаз и не выпускали в свет.

— Неужели не отпустят? — спросил Гэ Дунчэнь.

Сяодун весело потер кончик носа:

— Почему же? Конечно поеду!

— Вот и славно. Ты ведь еще ни разу не бывал у Клана Су? — зашептал ему на ухо Гэ Дунчэнь. — Су — вековая благородная династия, их богатство и величие во много раз превосходят наши дома. Вы с Миньей близки уже больше четырех лет, а тебе так и не довелось там побывать. Мне всегда было искренне жаль тебя. Как здорово, что в этот раз ты наконец переступишь их порог! Двадцать девятого числа там соберется вся столичная знать. Если оробеешь в толпе гостей — сразу ищи меня, я обо всем позабочусь.

Гу Сяодун лишь неопределенно улыбнулся, не зная, что ответить. Его «конечно поеду» означало совсем другое: он собирался не в само поместье, а на высокую башню неподалеку от него.

Два года назад Су Минья был совсем слаб здоровьем, и родственники то и дело забирали его домой на лечение. Как-то раз они не виделись больше двадцати дней. Наконец слуга молодого господина Су тайно пробрался во Двор учеников и увез Сяодуна к той самой башне, где его с нетерпением ждал больной возлюбленный.

Даже утонченный и всеильный молодой преемник рода Су в часы недуга нуждался в простом человеческом тепле.

С тех пор эта башня стала их тайным убежищем — местом встреч вдали от строгих взоров Клана Су и Клана Гу. Свой прошлый день рождения Сяодун отпраздновал именно там. Тогда же они договорились, что и в этот раз встретятся на вершине башни.

И выбор был не случаен. Башня Сбора Звёзд считалась самым высоким строением в Чанло, уступая лишь императорскому дворцу. Сяодун обожал сидеть у окна и смотреть на ночное небо, где полная луна сияла фарфоровым блюдом, а звезды струились чистой водой. На этой головокружительной высоте простор казался бескрайним, а пьянящее чувство свободы — настоящим.

Позже Су Минья выкупил эту башню. Самые верхние покои он назвал «Покоями Яркой Свечи» — в честь их имен: «Минь» означало солнце и свет, а «Чжу» — пламя свечи Сяодуна.

Сидя там и беззаботно болтая ногами, можно было любоваться созвездиями над головой, а опустив взгляд — созерцать раскинувшееся внизу величественное поместье Су. Сяодуну и впрямь не хотелось переступить его порог. Говорили, что порядки там еще строже, чем в Клане Гу. Так зачем стремиться туда, если можно просто смотреть на звезды с высоты Башни Сбора Звёзд?

И, конечно, смотреть на самого Су Минью, который в призрачном серебряном сиянии луны казался сошедшим с небес прекрасным божеством.

— Сяодун? О чем ты задумался?

Тихий смех Гэ Дунчэня вернул его к реальности. Юноша моргнул и, все еще витая в облаках, пробормотал с мечтательной улыбкой:

— Да так... Вспомнил молодого господина Су. Вдруг так захотелось его увидеть...

Собеседник на секунду умолк, а затем криво усмехнулся:

— Он ведь сейчас в Бамбуковом дворике. Если ты придешь, неужели он посмеет выставить тебя за дверь?

Сяодун озадаченно почесал затылок. На его щеках все еще играли очаровательные ямочки, но брови капризно сошлись у переносицы, являя миру смесь досады и нежности.

— Хотеть-то хочу, да только видеть его сейчас не желаю. Стоит вспомнить — сразу злость берет.

— И за что же ты на него злишься?

Действительно, за что? Ведь он так сильно его любил.

Сяодун и сам толком не знал.

В памяти всплыл прошлый год, когда по Чанло поползли самые мерзкие, грязные слухи о нем. Сяодун тогда места себе не находил от ярости и стыда, а Су Минья лишь обнимал его и мягко, точно подшучивая, успокаивал:

«Они просто завидуют тебе, глупый. Не принимай эти бредни близко к сердцу. В столице мало кто может сравниться с тобой красотой. Этим беднягам повезло гораздо меньше, так что тебе, с твоей безупречной внешностью, вряд ли понять, как тяжело живется заурадным людям».

Станные слова. В них сквозило высокомерие, а похвала оставляла неприятный осадок.

Тогда Сяодун не придавал этому значения. Да и сам Су Минья, должно быть, не понимал, что творит. С самого начала он относился к Сяодуну как к забавной, редкой диковинке. Но шло время, юноша расцветал, становясь ослепительно прекрасным, а сам молодой господин Су обретал все большую власть. И невинное любование постепенно переросло в глухую, удушающую жажду контроля.

Сяодуну и раньше казалось, что в поведении возлюбленного есть нечто пугающее, но они выросли в столь разных мирах, что понять друг друга до конца им было не дано.

К тому же стоило Сяодуну почувствовать минутную неловкость, как Минья либо нежно целовал его, либо деликатно кашлял, пряча лицо, и сердце юноши мгновенно таяло, заставляя позабыть обо всех обидах.

Но в канун Нового года, когда он сидел на подоконнике в комнате Гу Цзиньюя и смотрел на расцветающие в небе фейерверки, из глубин памяти вдруг выплыло далекое, похожее на сон прошлое.

Ему до боли не хватало того прекрасного, болезненного юноши, которого он встретил в академии. Того, кто сразу почувствовал его отчуждение и стал звать его не фальшивым именем «Шаньцин», а настоящим — «Сяодун».

Нынешний же молодой господин Су, который с некоторых пор повадился властно называть его «Су Шаньцин», вызывал у него лишь глухое раздражение.

Впрочем, злился он любя.

Все три дня, что Су Минья провел в Бамбуковом дворике, Сяодун и носа туда не показывал. Тот тоже не искал встречи, так что юноша преспокойно занимался своими делами.

Незаметно наступило двадцать восьмое число первого лунного месяца. Поздним вечером Сяодун сидел у себя и бережно перебирал деревянную шкатулку со свежими домашними сладостями. Внезапно его левое веко мелко затрепетало. Не успел он прижать ладонь к глазу, как на подоконник бесшумно опустилась огромная, сильная птица. Она взмахнула крыльями и, забавно склонив голову набок, уставилась на него круглыми глазами.

Сяодун тоже склонил голову и рассмеялся:

— Привет, птица-великанище! Сама полуночница, и хозяин твой такой же. Каков поп, таков и приход!

Он быстро спрятал шкатулку и поспешил к выходу. Слуги, Фэнъэнь и Фэнхуань, даже не успели понять, что стряслось, как юноша уже распахнул тяжелую дверь.

На улице, не переставая, моросил мелкий весенний дождь. В туманной дымке тонул унылый пейзаж, слабо освещенный холодной луной. Дождевые капли скользнули по лицу Сяодуна, заставив его зажмуриться, а когда он открыл глаза, перед ним уже выросла высокая, бесшумная фигура.

Глаза незнакомца сияли сквозь пелену дождя, точно две холодные звезды.

Юноша давно привык к повадкам своего названного брата, вечно сновавшего беззвучно, точно огромная летучая мышь. Ничуть не удивившись столь позднему визиту, он гостеприимно взмахнул рукой:

— Доброй ночи, Большой Сучок! Опять с какого-то задания посреди ночи?

Гость скользнул внутрь. Одну руку он держал у груди, явно пряча что-то под просторными

одеждами.

От его мокрого плаща повеяло могильным холодом. Сяодун тут же уперся ладонями в его широкую спину и погнал к жаровне, не умолкая ни на секунду:

— Ну почему нельзя взять зонт? Или хотя бы бамбуковую шляпу надеть? Вечно шатаешься под дождем и ветром, вылитый бродяга с большой дороги!

Цзиньюй послушно, как сонная панда, позволял вести себя. Сяодуну казалось, что он толкает перед собой огромного упрямого медведя. На полпути он поднял глаза, заметил его короткий, криво обрубленный хвост на затылке и обомлел. Живо усадив гостя в кресло, он заглянул ему в лицо:

— Сэньцин, а с волосами-то что? Опять состриг под корень? Ты что, снова попал в переделку и едва уцелел?

Семнадцатилетний Гу Цзиньюй сидел неподвижно. Когда они виделись перед Новым годом, его густые волосы доходили до лопаток, а теперь сиротливо торчали неровными прядями. Должно быть, на очередном смертельно опасном задании клинок врага прошел в опасной близости от его головы. Последние годы он разрывался между учебой в академии и службой в тайной императорской гвардии, и поручения ему давали все более рискованные.

Впрочем, Сяодуну втайне нравилось, когда Цзиньюй собирал укороченные волосы в высокий озорной хвост. Это лишало его привычной мрачности, придавая облику дерзость юного воителя, от которого невозможно было отвести взгляд.

— Угу, — коротко отозвался тот.

Он уронил руки на колени и поднял лицо. На левой щеке темнел мазок сажи, на ресницах дрожали дождевые капли. Растрепанный, мокрый и безмолвный, он казался сейчас невероятно, почти пугающе красивым.

За последний год Цзиньюй заметно вытянулся и раздался в плечах, напоминая крепкий молодой бамбук. Рядом с ним изящный Сяодун по-прежнему выглядел хрупким подростком, тогда как в фигуре названного брата уже угадывалась несокрушимая, зрелая сила.

Характер у Цзиньюя был под стать внешности — загадочный и переменчивый. Порой он неуловимо напоминал Сяодуну его третьего брата, наследного княжича Гу Пинханя, но лишь отчасти. Цзиньюй не походил ни на кого. Его отличало пугающее хладнокровие: он с одинаковым, пуленепробиваемым спокойствием шел напролом к цели и погружался в бессветную хандру.

Вот и сейчас он сидел перед ним — побитый, унылый, сонный. Но именно этот «полуживой»

парень умудрялся тащить на себе львиную долю государственных дел, обгоняя всех сверстников.

Поговаривали, что на службе он прослыл самым дерзким, амбициозным и беспощадным юношей своего поколения. Никто из сослуживцев и представить не мог, что, возвращаясь домой и оказываясь рядом с Сяодуном, этот грозный воин мгновенно раскисал, превращаясь в бесхребетного увальня.

В нем уживались две крайности: порой он казался холодным и сырым, словно затянутое тиной болото, а порой — горячим и ослепительным, как полуденное солнце.

Словом, это был его удивительный, незаменимый друг, умевший абсолютно все.

После исчезновения названного брата Сяодун неосознанно перенес всю свою потребность в семейном тепле на Цзиньюя. Сам Цзиньюй, возможно, и не задумывался об этом, но для Сяодуна за эти годы их связь с братом, рожденным с ним в один день, месяц и год, превратилась в прочную нить, связывающую их судьбы воедино.

— Ну и ну, братец, на кого ты похож? Грязный, как чертенок, — вздохнул Сяодун, разглядывая его с мягким укором. — Раз уж решил заглянуть ко мне, мог бы хоть немного привести себя в порядок. Грех так разбрасываться такой внешностью!

— М-м, — промычал Цзиньюй.

Юноша покачал головой. Фэнъэнь как раз внес таз с горячей водой и чистое полотенце. Сжалившись над несчастным видом брата, Сяодун смочил ткань и подошел ближе.

— Ну, подставляй физиономию, умывать тебя буду.

— Давай...

Цзиньюй послушно потянулся навстречу, преданно глядя на него затуманенными от усталости глазами. Казалось, он вот-вот без сил уронит голову ему на плечо.

Сяодуну и в голову не могло прийти, что этот суровый воин сейчас самым бессовестным образом напрашивается на ласку.

Они являли собой разительный контраст: хрупкий, чистенький Сяодун напоминал белоснежный десерт из рисовой муки, а огромный, перепачканный Цзиньюй — подгоревшую в печи ржаную булку.

— И что привело тебя ко мне в такую глухую пору? — закончив с умыванием, Сяодун

придвинул стул и устроился рядом. Он уже привык к этим спонтанным ночным визитам, всякий раз испытывая смесь искренней радости и шутливого ворчания.

Он пересадил прилетевшего кречета Догоревшего фитиля к себе на колени и принялся ласково поглаживать его перья. Цзиньюй ревниво покосился на птицу.

— Я...

Но Сяодун, стоило ему заговорить, превращался в неиссякаемый фонтан вопросов. Не давая брату вставить ни слова, он затараторил:

— Завтра вы с сестрой едете к Клану Су? Ну же, колись по секрету, что наш дом приготовил молодому господину Су в подарок? И еще! Я заметил, едва ты переступил порог: у тебя на груди под халатом что-то так подозрительно топорщится. Только не говори, что это твои новые богатырские мышцы так раздались!

Выдав все это на одном дыхании, юноша весело расхохотался, прижимая к себе кречета. Ответ Цзиньюя прозвучал неторопливо, но эффект имел разорвавшейся бомбы:

— Я принес показать тебе своего ребенка, — не моргнув и глазом, выдал он. — Познакомься со своим племянником.

Сяодун замер на секунду, а затем покатился со смеху, чуть не выронив Догоревшего фитиля:

— Да ладно! Опять взялся за старое, хочешь, чтобы у меня живот от смеха лопнул? Ну давай, вытаскивай свое чадо. А матушку его где прячешь?

Цзиньюй молча посмотрел на него. Он бесцеремонно отодвинул затрепетавшую птицу, перехватил руку Сяодуна и властно прижал ее к своей груди под одежду.

Все еще хохоча, юноша не стал сопротивляться. Сперва его пальцы наткнулись на твердые, литые мышцы воина, но затем ощутили под тканью нечто невероятно мягкое, теплое и пушистое.

Это был самый настоящий, живой щенок!

— Ой, кто это там? — испуг Сяодуна мгновенно сменился восторгом. Он принялся ощупывать пушистый комочек, бесцеремонно елозя ладонью по широкой груди брата.

Цзиньюй опустил голову. Сначала он хотел сразу явить подарок, но, поддавшись искушению, замер, слегка подавшись грудью навстречу ласковым пальцам.

Спустя мгновение из глубин его халата раздался тихий, трогательный писк: «Тяв!».

Глаза Сяодуна засияли от восторга:

— Неужели...

Тогда Цзиньюй наконец запахнул полы одежды, являя миру крошечное пушистое создание.

Это был очаровательный черно-белый щенок. Мордочка, ушки и нос у него были угольно-черными, а бока и короткий хвостик пестрели забавными пятнами. Самое умильное было в его лапках: темная шерстка покрывала их ровно до суставов, отчего казалось, будто малыш нарядился в крошечные черные перчатки.

Малыш, размером едва ли больше ладони Цзиньюя, умильно поскуливал, преданно уставившись на Сяодуна влажными, блестящими глазками-бусинками.

Точно таким же взглядом на юношу сейчас смотрел и сам Цзиньюй.

Очарованный пушистым чудом, Сяодун напрочь забыл о кречете, который теперь обиженно хлопал крыльями на подоконнике.

Он замер, боясь неловким движением навредить крохе, и лишь растерянно всплескивал руками:

— Сэньцин! Сэньцин, откуда у тебя эта прелесть? Я-то думал, ты зубы мне заговариваешь, а у тебя и впрямь завелся песий сынок!

— Возьми его, он не из фарфора сделан, не бойся, — Цзиньюй бережно пересадил щенка в сложенные лодочкой ладони юноши.

Лишь тогда на его суровом лице проступила мягкая улыбка, окончательно разогнав затаившуюся в глазах тень.

— Его привезли этой зимой из Северных земель. Мне за недавние заслуги полагалась награда от двора, и среди всех ценностей я выбрал его. Говорят, это порода северных пастушьих собак — очень смывленные и преданные звери.

Цзиньюй потрепал щенка по загривку:

— Нес его к тебе и радовался как ребенок. А потом подумал: служба у меня опасная, бываю дома набегами, как за ним уследишь? Вот и решил принести тебе. Сяодун, приютишь

сорванца?

Малыш принялся щекотно лизать ладонь Сяодуна, и тот на мгновение заколебался. Но щенок уткнулся крошечным носом в его пальцы, умоляюще поскуливая, словно просил не бросать его. Сердце Сяодуна растаяло от нежности, и он согласно закивал:

— Конечно! Добро пожаловать в семью, племянничек!

Сяодун сиял от счастья:

— Сэньцин, а имя ты ему уже дал?

Он слегка приподнял щенка, и их руки соприкоснулись, укрывая пушистый комочек. Ладонь Цзиньюя была такой просторной, что легко накрывала и малыша, и пальцы Сяодуна, едва уловимо, точно крыло бабочки, касаясь его кожи.

Цзиньюй покачал головой. Сегодня он принес в этот дом живую нить, которая день за днем будет прочнее связывать их судьбы. Рано или поздно их глубокая, нерушимая привязанность сотрет любые мимолетные увлечения Сяодуна другими людьми.

— Нет, ничего дельного в голову не пришло. Придумай сам, Сяодун, — негромко рассмеялся он. — У тебя ведь талант давать диковинные имена.

— Хорошо-хорошо, дай подумать... Раз уж мой племянник такой пестрый, наполовину черный, наполовину белый... Словно пара противоположностей! Как насчет Сяо Пэй? Подходящая пара!

На точеном, точно из белого нефрита, лице Цзиньюя вновь заиграла улыбка. Плечи его дрогнули от беззвучного смеха. Он ласково потрепал малыша за ушком:

— Сяо Пэй. Отличное имя.

Юноша пришел в полный восторг и принялся без конца повторять новую кличку, забавно причмокивая губами.

Они звали щенка наперебой, пока смысленный песик наконец не отозвался звонким: «Тяв!».

И тут сидевший напротив Цзиньюй совершенно серьезно выдал в ответ:

— Гав.

Сяодун опешил на секунду, а затем согнулся пополам от хохота.

Он приподнял Сяо Пэя под мышки и, заставив его помахать лапкой Цзиньюю, сквозь слезы выговорил:

— Ты-то куда лаешь? Если твой сынок щенок, значит, ты и сам в пса превратился?

Цзиньюю лишь невозмутимо парировал:

— Да я порой и похуже любой собаки буду.

Сяодун разразился новым приступом хохота. Но сквозь безудержное веселье в груди вдруг шевельнулась щемящая нежность. Он высвободил правую руку и мягко взъерошил волосы Цзиньюя. Теперь у него под опекой оказались сразу двое: слева — крошечный пушистый щенок, справа — огромный верный пес.

— Ну, папаша Сяо Пэя, выше нос! Будь умницей и не грусти больше.

Цзиньюю и впрямь повел себя как послушный домашний любимец: он ласково потерся макушкой о ладонь Сяодуна и тихо произнес:

— Рядом с дядей Сяо Пэя грустить просто невозможно.

На душе у Сяодуна стало тепло и сладко, точно там разлили кувшин жидкого меда. Он принялся вовсю трепать непослушную шевелюру брата, превращая его прическу в сущий кошмар. «Большой пес» под его рукой даже не думал протестовать, напротив — в эти минуты его вечно холодный взгляд теплел, наполняясь живым, искренним чувством.

Они проболтали под мерный шум дождя до самой полуночи. Когда капель за окном наконец начала стихать, Сяодун ласково прижал к себе притихшего щенка и заговорщически подался вперед:

— Послушай, брат... Хочу спросить тебя об одном деле. Сам-то я в это не верю, слишком уж глупо звучит, но все же...

Цзиньюю вместе с Сяо Пэем синхронно склонили головы набок:

— О чем ты?

Сяодун погладил малыша по спинке и неловко кашлянул:

— Ну... Слышал ли ты когда-нибудь имя Су Сяюань?

Цзиньюй посмотрел на него в упор. Его лицо оставалось бесстрастным, и лишь во взоре промелькнула едва заметная вспышка торжества:

— Да, знаю. Клан Су прочит его в наложники Су Минье. — Он выдержал паузу и твердо добавил: — Я говорю чистую правду, Сяодун.

<http://bllate.org/book/20609/2189473>